

Л. Меньшиков

**Охрана и революция. К
истории тайных
политических организаций,
существовавших во времена
самодержавия**

Часть II. Выпуск I. 1898-1903 гг.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. Меньщиков**
Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия: Часть II. Выпуск I. 1898-1903 гг. / Л. Меньщиков – М.: Книга по Требованию, 2017. – 186 с.

ISBN 978-5-519-51046-2

От автора: "Настоящие очерки основаны, главным образом, на моих личных воспоминаниях и на документах, которые во времена самодержавия были секретными, но в котором я, в силу своего особого служебного положения, имел свободный доступ. Прошлое русского освободительного движения было скрыто под двойной печатью запрета: с одной стороны, оборонительные конспирации революционных партий, загнанных в подполье: с другой - секреты охранной полиции царского правительства: перипетии борьбы этих двух сил, происходившей под знаком тайны и составляют материальную ткань истории русского революционного движения."

ISBN 978-5-519-51046-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

- Мим.—мимеографированный.
Мщн.—мещанин.
Н. п.—нелегальный паспорт.
Н. ф.—нелегальная фамилия.
Нач.—начальник.
О.—Обзор важнейших дознаний (официальное издание).
О. О.—охранное отделение.
О. С.—особое совещание при м. в. д.
П. Ак.—Петровская Академия.
П. п. г.—потомственный почетный гражданин.
Прб.—приблизительно.
Пс.—псевдоним.
Раб.—рабочий.
Р. кл.—революционная кличка.
Рд.—родился.
С.—село.
С.-д.—соц.-дем.—социал-демократ.
С. к.—сын купца.
С. св.—сын священника.
С. ч.—сын чиновника.
С.-р.—социалист-революционер.
С. с.—секретный сотрудник (охраны).
Т. уч.—Техническое училище.
Т. з.—тюремное заключение.
У.—уезд.
Ун.—университет.
У.-о.—унтер-офицер.
Уч.—учитель (учительница).
-

Г Л А В А I.

Охрана и рабочее движение.—«Летучий отряд филеров».—Розыски «Южной» типографии.—Екатеринославская типография («Рабочая Газета»).—Гомельский кружок (доносчик С. С. Бартошкин).—Одесские с.-д. и шпион С. М. Гандер.—Киевский «Союз борьбы».—«Пассия», Иогансон и Зубатов.—Провокатор Е. Р. Рубашевский. Кременчугская типография.—С'езд в Минске.

ОХРАНА И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ.

Если бы это не было слишком парадоксально, я сказал бы: новый (XX) век для России наступил несколькими годами ранее начала календарного столетия. В самом деле, конец 90-х г.г. с полным правом можно назвать зарей новой эры в истории нашей родины,—эры, принесшей с собой так много событий чрезвычайного, можно без преувеличения сказать, мирового значения.

Огромная страна, которую вековой абсолютизм держал в состоянии искусственного анабиоза, наконец, очнулась, забилось горячее сердце общественности, алая, горячая кровь протеста разлилась по вялым артериям и поднялась та «мускулистая рука», от взмаха которой, по вещим словам незабвенной памяти Петра Алексея, сказанным за 20 лет до того (на «процессе 50-ти»), должно было разлететься в прах «ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками».

Московский ткач не ошибся и в другом своем предвидении, когда высказал надежду на то, что интеллигенция, от которой, по его словам, только и мог ожидать помощи рабочий люд, пойдет с последним до конца,—конечно, Алексеев имел в виду не ту патентованную интеллигенцию, которая, забравшись на дипломированный Олимп, плохо видела с его высот то, что происходило «в долинах скорби и печали», а интеллигенцию разночинную, истинно демократическую, вернее—опролетаризировавшуюся, шедшую в ногу с трудовым народом, увлекавшую его на борьбу, ведущую к победе.

По летописным заметкам (к сожалению, далеко не полным и отрывочным), приведенным в первой части моего труда, можно было судить о том, как быстро росли и широко раскидывались по России стихийное рабочее движение и внедрявшиеся в него социал-демократические организации.

Нельзя сказать, чтобы слепое вообще царское правительство не замечало симптомов надвигавшейся опасности; оно по-своему реагировало на эти явления жизни, не поддававшейся удушению, и принимало меры самообороны, на которые было способно.

Как и в деле с «недородом кормовых злаков» в 1892 г., правительство прежде всего позаботилось о том, чтобы скрыть от общественного внимания действительное положение вещей. 8-VI—95 г. был издан по мин-ву вн. д. циркуляр о запрещении печатать статьи о беспорядках на фабриках и заводах и об отношениях рабочих к хозяевам; это «tabou» было дополнено циркулярным распоряжением от 4-I—97 г., которым предлагалось не публиковать статей, заметок и рассуждений на темы о заработной плате, рабочем дне и снова об отношениях между рабочими и фабрикантами.

После майской забастовки петербургских ткачей правящая бюрократия сильно встревожилась и снова разрешилась секретным циркуляром. Это распоряжение министра вн. д., подписанное 12-VIII—97 г., является достойным памятником его действительному автору—Г. К. Семякину (имя которого уже знакомо читателю), правоведа по образованию (воспитывался в училище «Травоедения»,—как острили петербуржцы,—имевшем привилегию поставлять в центральные государственные учреждения кандидатов на роли будущих сановников).

Упомянутый циркуляр рекомендовал: «преимущественное направление дел (о стачках) в порядке положения об охране в том соображении, что судебное преследование не всегда бывает возможно, в виду весьма частого отсутствия всех признаков преступления, предусмотренного 1358 ст. и послед. Улож. о нак., а также в виду того, что означенные статьи закона не обязывают судебного следователя подвергать обвиняемых содержанию под стражей, особенно по окончании следственного производства»...

Для жандармов и охранников такое циркулярное распоряжение министра было истинной благодатью: формальным дознанием, в которых прокурорский надзор является некоторой помехой, следует предпочитать вольные охранные расследования,—да, ведь, это для спасения отечества только и требовалось! Производство дел, в которых отсутствуют «все признаки преступления»,—это ли не специальность господ охранителей? И при всем том—первейшее удовольствие: арестованных ни в коем случае не выпускать на свободу...

Это был, так сказать, «Семякин суд».

И началась форменная вакханалия: «зачинщиков», обнаруживших крысу в хозяйском котле с варевом; «пострекателей»; жаловавшихся на побои фабричного мастера; «бунтовщиков», не желавших работать у заводчика, задерживавшего плату, хватали, гноили за отсутствием улик в тюрьме и подвергали расследованиям на все фасыны. Случалось, что одно и то же лицо привлекали к судебному следствию, тянули к жандармскому дознанию в порядке ст. 1035 уг. с. и держали под стражей на основании положения об охране! А потом высылали (как я приводил в главе XVI примеры) огулом в административном порядке за черту «рабочей оседлости».

Драли, как говорится, три шкуры с рабочего вола...

Другим мероприятием царского правительства в борьбе с рабочим движением было учреждение 25-VII—98 г. «Особой канцелярии при помощнике варшавского ген.-губ-ра по полицейской части», для руководства деятельностью которой были выработаны «основные положения устройства розыскной части по делам политического свойства в Привислинском крае». Через год эта «Особая канцелярия» уже без стеснений была переименована в охранное отделение при канцелярии варшавского обер-полицеймейстера. Это был ответ на слишком беспокойное поведение польского и еврейского пролетариата, который уже прочно стал на путь классовой борьбы и вел ее, в пример другим, настойчиво и с энергией.

Дополнительной реформой явилось еще учреждение особого штата участковых полицейских надзирателей (44—для Москвы и 48—для Петербурга), которые, находясь в распоряжении охранных отделений, должны были следить за «настроением умов» фабрично-заводских рабочих.

Со своей стороны местная администрация, в частности московская, тоже оказывала соответствующее внимание «рабочему люду», всемерно заботясь об организации надзора за ним—строного и «неупустительного». Еще в секретном циркулярном распоряжении от 10-IV—93 г. московск. обер-полицеймейстер предписал участковым приставам знать «подробно и обстоятельно настроение рабочих на каждой фабрике и о всяком недовольстве или, тем более, противозаконном намерении рабочих»; обо всех случаях увольнения «беспокойных и дерзких рабочих» чины полиции обязывались доносить начальству с представлением списка таких уволенных.

Те же требования были повторены в циркуляре от 3-IX—96 г., при чем участковым приставам вменялось еще в обязанность: следить за собраниями рабочих вне мест их служения; доносить о слухах, циркулирующих в рабочей среде; внушать заведывающим фабриками, чтобы они «строого и неуклонно следили за распространителями ложных слухов и неупустительно давали о таковых знать местной полиции»; наблюдать «совместными силами (с заводской администрацией) за спокойствием рабочего класса»...

За пролетарием следила охрана, надзирала полиция, шпионила хозяйская администрация. Все были так заняты этим делом, что наблюдали за тем, чтобы фабриканты и заводчики не обижали рабочих, уже было некому.

Заняться этим делом пришлось самим пролетариям...

«ЛЕТУЧИЙ ОТРЯД ФИЛЕРОВ».

Говорят, Лютер запустил чернильницей в дьявола, и с того времени будто бы нечистая сила стала бояться чернил и пера. Русские «черти», о которых упоминал, если помнит читатель, Н. Величкин в письмах к своей знакомой, тоже не любили чернил и еще более—типографской краски. Это не мешало, впрочем, наиболее предприимчивым из охранников, как я писал в начале книги, постоянно мечтать о том, как бы «открыть типографию»; охота за печатным станком являлась их любимым спортом, и некоторые из охранников так им увлекались, что приводили в некоторое смущение свое петербургское начальство; особенно отличился на этом поприще ж. о. Л. Н. Кременецкий (о котором еще будет речь впереди), умудрившийся, в бытность свою начальником охр. о. в Екатеринославе, «открыть» полдюжину типографий в течение одного полугода!

Но обнаружить «технику», когда в постановке ее не участвовали услужливые сотрудники, было не так уж легко, что можно видеть на примере петербургской типографии народовольцев, существовавшей несколько лет «под носом» местной охранки и деп. п., пока не вмешались в дело зубатовские молодцы.

С развитием революционного движения усилился спрос на нелегальную литературу, явилась необходимость в организации кустарного издательства; стали заводиться «подпольные» типографии, которые обыкновенно были хорошо законспирированы и не легко давались в руки; в особенности, когда предприятия этого рода возникали в провинции, где настоящий политический сыск почти отсутствовал.

Неудовлетворительное состояние провинциальной розыскной организации наглядно выявилось на деле «Народного Права»: в то время, как бердяевские «лекоки» вели наблюдение в городах Сумах, Орле, Смоленске, Харькове, местные чины корпуса жандармов не только не знали о том, что в подведомственном им районе гнездится крамола, но и не подозревали о присутствии у них под боком московских «торговых людей»; апрельская ликвидация 1894 г. была для них полной неожиданностью, но не из приятных.

В департаменте полиции уже начинали сознавать печальное положение дел в жандармских воеводствах. Я помню, как Семякин, будучи весной 97 г. в Москве, только-что приехавший в охранку от Тестова (известный тогда ресторан), где предусмотрительные Зубатов и Медников подкормили его «свежей икоркой и поросе-

ночком в сметане», вдруг разоткровенничался и заявил: «при всей моей бедности дам 25 рублей тому, кто скажет, что это за штука «Бунд». Мы от этих олухов ничего не знаем»... (!).

И немудрено. Бенкендорфские «очи и уши государевы», эти, по выражению Семякина, «олухи» корпуса жандармов, не отвечали требованиям времени; ветхозаветные полковники и генералы, обжившись на своих насиженных местах, занимались большей частью интригами, мелкими сплетнями и доносами; а помощники их упражнялись на дознаниях, все искусство которых сводилось к запугиванию допрашиваемых; невежество жандармов было классическим; читали они чуть ли не одни приказы по корпусу, ревниво следя за тем, не обошел ли их в чинопроизводстве кто-нибудь из сверстников; для большинства из них существовала одна «социал-революционная партия», которую знали их предшественники по процессам 70-х годов; иные из них даже и позднее смешивали «Бунд» с бунтом...

Но рутина была всегда смертельным пороком всякого реакционного правительства; жить «по-старинке»—таков был принцип самодержавия, и петербургская бюрократия не отступала от него даже перед лицом надвигавшейся опасности в таком важном вопросе, как охранение «существующего строя». Единственной уступкой «духу времени» было учреждение охранный отделения в Варшаве и особого института—«Летучего отряда филеров», пятилетняя деятельность которого—его изумительные «половецкие» набеги—в праве занять свое место в истории русского освободительного движения.

Вышеупоминавшийся приезд Семякина в Москву был связан с обсуждением вопроса об организации дальнейших розысков в провинции, в виду полной беспомощности жандармских властей. В результате совещаний было решено сформировать особый отряд из наиболее опытных филеров Московского охр. о., которое уже зарекомендовало себя успешными иногородними розысками; отряд, числясь за департаментом полиции, должен был выполнять задания последнего, но, главным образом, по инициативе и под ближайшим руководством Зубатова.

«Летучие» филеры получали право вести наблюдение в провинциальных городах и без ведома местных властей; от деп. п. им отпускались, помимо жалованья, во время командировок суточные деньги (2 р. 50 к.), не считая оплаты проездных и непредвиденных расходов; доносить они должны были в Москву, где их сведения обрабатывались в охр. о. для доклада д. п.; ликвидация розысков «Летучего отряда» могла производиться только при непосредственном наблюдении специально командированных для этого чиновников московской охраны.

Так на помощь пассивавшему в борьбе с революционным движением архаическому корпусу жандармов выступил более отве-

чавший государственным потребностям момента «корпус филеров», во главе которого встал призванный «спасать отечество» талантливый «шеф»:

Бывший городской, из мужичков Рязанской губернии, — «Евстратка» Медников.

РОЗЫСКИ «ЮЖНОЙ ТИПОГРАФИИ».

Уловить пропагандиста на «живца» — рабочего — доставляло Зубатову большое удовольствие; но, как истый спортсмен-сыщик, он еще с большей страстью занимался охотой на типографии, и мы уже видели, как после успехов, достигнутых в Смоленске и Петербурге, Московское охр. о. в погоне за печатным станком закидывало свои сети в города: Воронеж и Курск, а потом в Саратов и, наконец, в Киев, несмотря на то, что там царствовал «краса и гордость» корпуса жандармов, знаменитый генерал В. Д. Новицкий.

В предыдущей главе я упомянул о наблюдении, которое было предпринято в целях обнаружения «южной» типографии. Д. п. этой типографией бредил давно. Еще 19-Х—96 г. Семякин писал Зубатову: «по сведениям из известного вам источника, на юге есть какая-то типография, куда уцелевшие члены ликвидированного в июне кружка послали напечатать об'явление. С другой стороны, известно: в начале июня из Женевы прибыла в С.-Петербург курсистка Августа Дмитриевна Чувашева, знакомая Георгия Плеханова и заведывающего типографией и книжным складом соц.-демократов Иосифа Блюменфельда. Чувашева недавно послала б. курсистке Екатерине Михайловой Трапезонцевой для напечатания у Блюменфельда воззвание к обществу от группы народолюбцев с заказом выслать 2.000 таковых в С.-Петербург, но план этот потом был изменен, что видно из письма Юлии Махновец от 6-Х—96 г. к Анне Шулятиковой, где она говорит, что предпочитала бы щеголять в русском костюме, хотя и не так хорошо сшитом, но один из главных закройщиков захворал — придется иметь дело с другими, а это требует много времени...» (2).

Указание, что типография находилась на юге, было слишком неопределенным, но Зубатову представился вскоре случай произвести внутренний «зондаж». 10-IV—97 г. выехала в Киев хорошая знакомая охранного «Приятеля» (Гуровича), Е. Н. Каменецкая, которой дали почетную свиту из четырех филеров (фаворит Медникова — Е. Сачков, Т. Бирик, А. Ваганов и Казанцев), из которых один (Ваганов) остался (с придачей ему в помощники Ф. Сергеева) в Курске для слежки за статистиками Лосицким и Невским (знакомый И. П. Белокопского), с которыми наблюдаемая виделась в названном городе.

12-IV Каменецкая прибыла в Киев; проследки за ней выяснили несколько адресов, которые и послужили отправной точкой для

дальнейшего наблюдения. 21-IV Каменецкая вернулась в Москву, а через неделю начальник Московского охр. о. уже сообщал Семякину о результатах поездки, которые оказались неутешительными. «Из сообщенных ранее агентурных сведений ваше превосходительство можете усмотреть, что местонахождение типографии и типографского шрифта в отдельности в настоящий момент представляется недостаточно выясненным и до полного определения приобретенных местных связей и точной установки полученных наблюдением лиц и мест передача всех сведений и дела начальнику Киевск. г. ж. у. является, в интересах розыска, преждевременной. По мнению агентуры также, ранее обеспечения верных ходов к типографии и достаточно определенных указаний на ее местопребывание, с передачей дела в другие руки некоторое время лучше воздержаться».

В поисках той же «южной типографии» Московское охр. о. приняло наблюдение за А. Иогансоном, жившим весной 1897 г. в Киеве и относительно которого имелись, повидимому, агентурные указания; благодаря этим указаниям Зубатову удалось-таки, как увидим дальше, «подсидеть» этого члена беспокойной семьи, постоянно мозолившей охранке глаза. «Тщательное наблюдение», предписанное д. п., продолжалось за Иогансоном и в Петербурге, куда он выехал в VIII—97 г.: сообщая об этом Пирамидову (нач. петербург. охр.), Зубатов имел возможность, благодаря своей агентуре, добавить, что Иогансон бывает там «у известного Петра Алексеевского и в доме 116, по Фонтанке».

Ради осведомления о той же типографии было разрешено приехать в Москву (из Киева) В. П. Водовозовой, за которой, как только она прибыла в столицу, установили неотступную слежку (со 2-XI по 21-XII—97 г.), выяснившую, что наблюдаемая знакома чуть ли не со всеми москвичами, имевшими солидный революционный стаж⁽³⁾.

Однако, «верных ходов» к «южной типографии» московская агентура так и не получила⁽⁴⁾. Тем не менее, предпринятый розыск привел в конце-концов к захвату печатного станка (в Екатеринославе), и результат получился все же блестящий.

Зубатову везло; помимо некоторых побочных обстоятельств, его выручил бесподобный «нюх» медниковских филеров: они и на этот раз оправдали свою репутацию образцовых ищек.

Хороший филер стоил иного провокатора.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ ТИПОГРАФИЯ.

Много было стоптано подметок и выпито пива прежде, чем «легучие» филеры, осевшие в Киеве, облюбовали себе, перебрав десятки наблюдаемых, настоящего «лидера». Особое внимание москвичей привлек к себе один интеллигентный еврей, отличавшийся

конспиративностью поведения. Как нередко случалось в революционной практике, излишняя, вернее, недостаточно умелая осторожность внешнего поведения вела именно к обратным результатам, и предохранительные меры в этих случаях как-раз являлись причиной того, что на лицо, их практиковавшее, обращали заслуженное внимание.

Конспиратором, за которого ухватились «летучие», был Б. Эйдельман, игравший в киевской соц.-дем. организации выдающуюся роль; проследки за ним и повели к обнаружению целого ряда обстоятельств первостепенного значения: и у него именно нашли впоследствии рукопись «Правила конспирации», копия которой, имеющаяся у меня, занимает 27 страниц (Приложение 1).

3-XI—97 г. Эйдельмана посетил наборщик А. Поляк, накануне приехавший из Одессы, который вышел от него с Ш. Б. Гуревичем; последний 4-XI уехал в Гомель, куда вскоре прибыл и Поляк; того и другого, конечно, сопровождали филеры, наблюдение которых выяснило местный кружок.

Новые лидеры «летучих» оказались очень подвижными: Гуревич 9-XI уехал из Гомеля в Николаев; 3-XII он прибыл в Одессу; через четыре дня вернулся в Николаев; 20-XII появился в Киеве. Поляк покинул Гомель 15-XII, побывал в Киеве и 30-XII приехал в Одессу; 2-I—98 г. он снова в Киеве, где видится с П. Белосовым, Э. Плютат и другими. 7-I Поляк направился в Екатеринослав, где он остановился первоначально в гостинице «Париж».

С этого момента розыск стал не только расширяться, но и пошел вглубь; события зачередовались быстрым темпом; сделаю беглый, схематический набросок им.

10-I Поляк имел ряд свиданий¹: с М. В. Орловым, М. К. Душканом, Е. З. Виленским, Х. Ш. Гельфанд и Г. И. Рабинович, от которой 25-I была взята Ф. И. Пружинина, имевшая у нее на следующий день свидание с Орловым; последний 27-I сошелся с И. Х. Лалаянцем. 28-I Душкан купил краски и прочие припасы в магазине Немировского и других. 29-I Виленский отвез к себе чемодан, взятый у Поляка; Орлов купил несколько дестей писчей бумаги. 30-I Поляк посетил П. Ш. Бункину. 3-II Рабинович уехала в Николаев; провожали ее Пружинина и И. Соколовский, который через два дня отправился с сестрой Сурой тоже в Николаев. 6-II Поляк выехал в Киев (где виделся с Э. Померанец, С. Литвиновым, Х. Лившиц и С. Коссовским). Виленский 8-II принес домой корзину и коробку. Душкан 9-II имел свидание с М. Б. Гуревичем.

17-II Поляк возвратился в Екатеринослав и свиделся с Душканом, Виленским и Орловым; с последним пошел к К. А. Петрусе-

¹ Называю фамилии; первоначально все эти лица фигурировали под филерскими кличками; установлены они были потом, частью во время ликвидации.